

# Этический персонализм: синтез кросс-культурного и индигенного в психологическом консультировании

## ETHICAL PERSONALISM: SYNTHESIS OF CROSS-CULTURAL AND INDIGENOUS IN MODERN COUNSELING

**Bondarenko A.F.**

Kiev National Linguistic University  
Velika Vasilkovska St ,73,Kiev, 03150,Ukraine

albond2012@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9458-1787>

The present paper examines the problem of considering specific indigenic sociocultural determinants of psychological counseling, namely, the conditioning of its semantic and pragmatic components by mental structures and values having been evolved in a particular culture during the historical formation of an ethnos. It will be noted that modern ideas of psychologists about advisory means, in the majority, are reduced to three classical psychotherapeutic approaches, and also to a number of innovative methods and techniques, which, considering them irrespective of sociocultural sources of occurrence, the unconditional dignity of universal are attributed. On the specific example of the concept and method of psychological counseling "ethical personalism" with the use of extensive psychological and cultural material, the author shows how taking into account the sociocultural determinants of psychological influence on the client / patient personality allows to increase the effectiveness and quality of the practice of psychological counseling.

**Key words:** counseling, socio-cultural tradition, indigenization, indigenic psychology, cross-cultural psychology.

## ЭТИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ: СИНТЕЗ КРОСС- КУЛЬТУРНОГО И ИНДИГЕННОГО В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

**Бондаренко А.Ф.**

Киевский национальный лингвистический университет,  
кафедра психологи и педагогики,

Київ- 150, ул.Большая Васильковская,73, Київ 03150, Україна

В статті поставлена проблема урахування конкретної індигенної соціокультурної детермінованості процесів психологічного консультування, а саме обумовленість його семантичного і прагматичного компонентів ментальними структурами і цінностями, що склалися в тій чи іншій культурі впродовж історичного становлення етносу. Зазначається, що сучасні уявлення психологів про консультативні засоби, в більшості своєму, зводяться до трьох класических психотерапевтичних напрямів, а також до ряду інноваційних методів і технік, яким, розглядаючи їх безвідносно до соціокультурних витоків виникнення, атрибується безумовне достоїнство універсальних. На конкретному прикладі концепції і методу психологічного консультування «етичний персоналізм» з використанням великого психологічного і культурознавчого матеріалу автор показує, яким чином урахування соціокультурних детермінант психологічного впливу на особистість клієнта/ пацієнта дозволяє підвищити ефективність і якість практики психологічного консультування.

**Ключові слова:** психологічне консультування, соціокультурна традиція, індигенізація, індигенна психологія, кросс-культурна психологія.

## **ЕТИЧНИЙ ПЕРСОНАЛІЗМ: СИНТЕЗ КРОС-КУЛЬТУРНОГО ТА ІНДИГЕННОГО У ПСИХОЛОГІЧНОМУ КОНСУЛЬТУВАННІ**

Київський національний лінгвістичний університет,  
кафедра психології і педагогіки,

Київ-150, вул.Велика Васильківська,73, 03150, Україна

У статті поставлена проблема врахування конкретної індигенної соціокультурної детермінації процесів психологічного консультування, а саме обумовленість його семантичного і прагматичного компонентів ментальними структурами і цінностями, що склалися в тій чи іншій культурі впродовж історичного становлення етносу. Зазначається, що сучасні уявлення психологів щодо консультативних засобів зводяться, переважно, до трьох класических психотерапевтичних напрямів, а також до низки інноваційних методів і технік, яким, розглядаючи їх безвідносно до соціокультурних витоків виникнення, атрибується безумовне достоїнство універсальних. На конкретному прикладі концепції і методу психологічного консультування «етичний персоналізм» із застосуванням великого психологічного і культурознавчого матеріалу автор показує, яким чином врахування соціокультурних детермінант

психологічного впливу на особистість клієнта / пацієнта дозволяє підвищити ефективність і якість практики психологічного консультування.

**Ключові слова:** психологічне консультування, соціокультурна традиція, індигенізація, індигенна психологія, крос-культурна психологія

### Постановка проблемы

Исследователи и практики, работающие в области кросс-культурной психологии и психологического консультирования, все чаще и чаще констатируют, что, в сущности, «все психологии – индигенны» [18]. Иными словами, общепринятый постулат о социокультурной детерминации психики в наше время наполняется конкретным содержанием, развертывающимся в принципиально новый дискурс, который известный мыслитель Г. Гачев в одной из своих лекций обозначил термином «экзистенциальная культурология». Именно Г. Гачеву принадлежит мысль-откровение, что «под терминологией, строгими научными терминами лежит метафора, образ» [7], что ни Гегель, ни Кант, - это не универсальное мышление. На нем печать германского образа мира, так же, как у Декарта – французского, у Галилея – итальянского, у Ньютона – английского. Этот ряд легко можно продолжить, вспомнив отца-основателя психоанализа и его последователей, представителей американского бихевиоризма или германо-российскую школу рефлексологии – от И.М.Сеченова и И.П.Павлова до В.М. Бехтерева и К.Н. Корнилова, истоки которой восходят к именам Г. Гельмгольца, В. Вундта, Р. Гейденгайма, Э. Дюбуа-Реймона, П. Флексига и др. По-видимому, острое осознание именно социокультурного или, по терминологии Г. Гачева, космо- психо-логического т.е. ментальногосвоеобразия каждого цивилизационного этноса, чему способствовал как ряд сугубо эмпирических факторов (распространение психологической практики в различных регионах планеты, исследования по кросс-культурной психологии), так и попытки теоретико-методологической рефлексии специфики психологического воздействия как на индивидуума, так и на социум, в частности, в работах китайских и российских психологов и культурологов, пытающихся преодолеть и жесткие концентрические сценарии К. Левина, и мнимый универсализм психоанализа, в настоящее время на повестку дня ставит вопросы создания культуросообразных систем психологической практики, общее назначение которых - сохранение неповторимости каждой культуры и личности ее носителя. «Возлюбленная непохожесть – вот мой принцип, вот что должно быть принципом во взаимных отношениях между цивилизациями» [там же]. Безусловно столь пристальное внимание, которое все больше и больше привлекают к себе вопросы индигенности в современной психологии, не может не рассматриваться как реакция ноосферы на агрессивную политику

современных глобализаторов, которые и не скрывают своей главной задачи – превратить человечество в однородную массу потребителей, полностью управляемых кредитами и доступом к банковским ресурсам, но эта тема далеко выходит за пределы проблематики, которой посвящена данная статья. Статья же посвящена как раз проблеме не столько обретения собственного лица, основные контуры которого вылеплены тысячелетней традицией Восточного христианства, сколько прояснению, кристаллизации, явления его миру. Дело в том, что в отечественной психологической практике широко заимствуются и используются зарубежные психотерапевтические методы (за исключением психодинамической парадигмы, в основном те, которые созданы в рамках англосаксонской культуры). Между тем прямое перенесение зарубежных психотерапевтических методов в отечественную практику без должного их осмысления и переработки по сути является привнесением чужеродных ценностных элементов в структуру русской ментальности, своеобразной формой индоктринации социокультурно детерминированного сознания мифами, концептами, идеологемами, которые в лучшем случае могут порождать дискомфорт в процессе психотерапевтического взаимодействия, а в худшем – переформатировать личностно-смысловую структуру сознания, подрывая систему тех личностных смыслов, которыми человек обязан духовным ценностям своего народа. Ведь принадлежность к определенной цивилизации и культуре формирует у того или иного этноса ряд специфических черт, проявляющихся в особенностях высшего психического функционирования, которые, собственно, и определяют возможность или невозможность, целесообразность или даже эффективность использования того или иного подхода в работе с данной категорией пациентов/клиентов. Возникает впечатление, что прозелиты «прогрессизма» не отдают себе отчета в реальной подоплеке тех или иных идейных вейаний. Даже прямые призывы выдающихся мыслителей современности «отказаться от выражения «эдипов комплекс» – неистощимого источника ошибок и недоразумений» [8, с. 246] – не находят отклика среди оглашенных приверженцев инокультурных стереотипов психотерапии. Принципиально новое решение данной проблемы дает развитие системы оказания психологической помощи по вектору индигенизации, подразумевающему разработку эффективных культуросообразных методов, сочетающих в себе индигенное и универсальное. В противном случае, как подчеркивают Дж.В.Берри с соавторами, импорт западной психологии может привести к хаосу, поскольку методы и идеология современной психологии комбинируются в некоторых случаях с идеологической основой из индуизма, ислама, буддизма, синтоизма и даже марксизма-ленинизма [1, с. 492].

Подлинная задача отечественной психологии – разработка культуросообразных методов, т.е. методов, открыто, а не гностическим

способом признающих свою производность от той или иной ментальности и порожденной ею культуры, и именно в силу этого способных обогатить мировую психологическую практику обоснованным, а не произвольным арсеналом лечебного психологического воздействия и, следовательно, высоким потенциалом подлинной универсальности [1; 2; 3; 4; 6; 9; 11; 13; 14; 15; 18].

### **Этический персонализм – эксплицитно индигенный метод психологического консультирования.**

Одним из таких, культуросообразных, методов психологического консультирования может служить модальность **«этический персонализм»** (далее – ЭП), главные концепты которой, отражающие психологическую реальность межличностных отношений и профессиональные действия психолога, – постановка психологического диагноза сложившейся ситуации, учет баланса жертвоприношения и самопожертвования, преодоление позиции жертвы путем переосмысления собственного жертвоприношения как дара и др.

Иными словами, ЭП предназначен прежде всего для работы с пациентами, ставшими жертвой психоэмоциональной травмы в межличностных отношениях. Средоточием консультативной и психотерапевтической работы при этом выступает главная цель, вытекающая из русской антропологии, – восстановление и укрепление личностного достоинства человека.

Совершенно очевидно, что непосредственно это сделать невозможно по причине измененного психогенией эмоционального состояния. Следовательно, первоочередной задачей выступает задача восстановления душевного равновесия. Затем – восстановление личностного достоинства. И как венец консультативной и психотерапевтической работы – процессы совершенствования этического ядра личности.

Для краткости мы именуем эту триединую задачу задачей трех «Р»: ревитализация, ревальвация, реконструкция личностного «Я». А психотерапевтическая традиция, обязанная своим возникновением русской философской антропологии, является не чем иным, как этическим персонализмом (термин М. Шелера), поскольку русской культуре свойственно именно стремление к нравственному совершенствованию. В то время как, скажем, иудейской – стремление к совершенствованию интеллектуальному. По крайней мере, именно так писал еще в XII веке Моисей Маймонид (Рамбам), почитаемый евреями как второй Моисей [16, с. 499].

Русич явился носителем не протестантской нормы вседозволенности, не иудейской нормы запрета, не исламской нормы покорности, а

восточнохристианской нормы благословенного действия, действия, санкционированного с позиции абсолютного блага, абсолютного добра. Впервые эти положения были явлены русичам в 1051 году (год бракосочетания княжны Анны, дочери Ярослава Владимировича, Мудрого, с королем Франции Генрихом I ) киевским митрополитом Илларионом, поставленным во главе Православной церкви Киевской Руси Ярославом Мудрым, сыном Св. князя Владимира, в его знаменитом обращении к русичам «Слово о Законе и Благодати». Ссылка в Повести Временных лет на это произведение времен Киевской Руси приходится на 1051 год, т.е. на 6559 лето от сотворения мира по календарю русичей. Красной нитью через это величайшее произведение Древней Руси проходят мысли о том, что не познавшие Христа поклоняются земному, а христиане радеют о небесном, что Закон – лишь тень, а Благодать – истина, что приверженцы Ветхого завета стремятся к самоутверждению, в то время как принявшие Христа – к спасению [10]. Вот откуда в русской культуре стремление к нравственному совершенствованию. Вот откуда берет начало ярко выраженная совесть и сензитивность к этическим переживаниям и ценностям, присущая носителям культуры Восточного христианства, в котором наиболее отчетливо был сформулирован постулат об абсолютном запрете на человеческие жертвоприношения [5]. Вскрытие ценностно-смыслового конфликта, в основе которого, как правило, находятся переживания, связанные либо с добровольным самопожертвованием, либо с осмыслением жертвоприношения со стороны других в отношении тебя самого, что, собственно, и вызывает этический диссонанс, и есть сердцевина русской психологии и русского этического персонализма. Таким образом, хотя сам термин «этический персонализм» принадлежит М. Шелеру, непосредственно психологическое содержание той феноменологии, которую мы описываем данным термином, вполне отражает специфику русской ментальности, проявляющейся в таких особенностях высокой русской культуры, как потребность постигать, переживать и утверждать нравственные формы жизни как абсолютные ценности бытия, которым атрибутируется достоинство высших смыслов. Несомненную опасность для русского сознания представляют навязываемые ценности личной выгоды и ростовщичества, принятые в чуждой нам коммерциализированной логике искупления грехов путем покупки индульгенций или достижения богоугодности благодаря собственному материальному благосостоянию. Как показывают наши исследования в области психосемантики сознания, архетипичной чертой русской ментальности является все же деятельная *созерцательность*, а не практицизм, поскольку категории деятельности, власти и независимости объединены в конструкт, включающий в себя ценность познания. Кроме того, русская культура сострадательна, поскольку для русского человека

именно *любовь* представляет абсолютную и высшую нравственную ценность. А свобода, говоря словами А.А. Ухтомского, дается только там, где есть дары Духа Святого [12].

В то время как, например, в популяризируемом сегодня ноахизме с его попытками введения «универсальной этики», по глубокому замечанию О.Н. Четвериковой, «есть вера в единого для всех Бога (при этом у каждого свое собственное его понимание), есть запреты, есть суд, но нет христианской заповеди любви, раскрывающей в человеке личность» [15, с. 216].

Невозможно не отметить в этой связи, насколько явственно в этом моменте наблюдается совпадение в трактовке, скажем, М. Аптером, автором теории реверсивности психики, свободы как негативистского состояния, а долженствования – как состояния конструктивного и, в его американизированной терминологии, – конформистского. А в нашей, русской терминологии – коллективистского [17].

Именно эти, нередуцируемые социокультурные свойства русского человека и являются подлинным содержанием и предметом отечественных традиций и перспектив во вне медицинской психотерапии. Другое дело, что высокая русская культура в XX веке была разрушена. Русские люди сплошь и рядом ощущают себя духовными сиротами. В связи с инфицированием хамством, этой мнимой духовной панацеей плембса, возвращение русскому человеку исконного чувства собственного достоинства, пробуждение которого и лечит человеческую душу, – самое целебное средство. Недаром «Слово о Законе и Благодати» находилось под запретом с 1917 по 1992 гг.

К сожалению, только крайняя, пограничная ситуация выступает необходимым условием для этого пробуждения. Именно в условиях крайней, пограничной ситуации, на антропологической границе человеческого и нечеловеческого, русская психология противостоит западной трансгрессии, в которой, по выражению С.С. Хоружего, «преступление как таковое возводится в фундаментальную антропологическую установку» [14].

### **Психологические механизмы ЭП, обуславливающие личностные трансформации страждущего**

Как свидетельствуют наши исследования, люди обращаются к практикующему психологу по прямому назначению, т.е. не путая его с психиатром, во вполне определенном типе ситуаций: в ситуации виктимизации личностного «Я». ЭП – метод, предназначенный для психологического консультирования и психотерапии в ситуации травматических межличностных отношений, в которой у человека возникает этический диссонанс, т.е. конфликт собственных

представлений о добре и зле в отношениях и поведении с реальной их практикой, как она на самом деле сложилась.

Если ситуация есть реальное событие, данное в обстоятельствах, то переживание психоэмоционального состояния есть ментальное событие, данное в этическом диссонансе и влекущее за собой изменение личностной позиции, чаще всего проявляющейся в утрате субъектности (позиция «жертвы»). Собственно, из этих двух возможных пресуппозиций и возникает насущная необходимость в психологической помощи: начиная с восстановления душевного равновесия, продолжая восстановлением личностного достоинства (преодоление личностной позиции «жертвы») и вплоть до развития и совершенствования этического ядра личностного «Я».

Эти три процесса в ЭП и охватывают весь процесс восстановления субъектности «Я». К психологу обращается человек страдающий. Страдание проявляется в жалобах, выступающих внешней, обращенной вовне формой страдания. В свою очередь, жалобы могут иметь два принципиально направленных вектора: жалобы на состояние и жалобы на отношения. Первая и основная задача психолога при обращении к нему страждущего – задача ориентировочная: установить хотя бы в первом приближении причины страдания, проявляющиеся в жалобах, их этиологию – психогенную, органическую, биохимическую или смешанную. Во всех случаях, кроме сугубо психогенных причин, психолог не может выступать главным актором психотерапии, ограничиваясь вначале консультационной (направление к соответствующему специалисту), а затем, если возникнет необходимость, продолжая и наращивая усилия, относящиеся к психологической помощи. Последняя может оказаться полезной в ситуациях необходимости обеспечить эмоциональное отреагирование, переобучение и т.п.

**Структурирование процесса взаимодействия, краткое описание этапов.** Принципиальная схема консультативной работы включает три основных этапа.

**Первый этап –подготовительный.**Этот, неспецифический, этап предназначен для первичной ориентировки в жалобах и общей психосоциальной ситуации страждущего, для установления надлежащего уровня доверия, для подготовки пациента к ситуации личностной и отношенческой диагностики.

**Второй этап работы – диагностический.**Этот этап в ЭП выступает уже со своим специфическим содержанием. Предпочтительно, чтобы этот этап осуществлял коллега – ассистент, ко-терапевт, т.е. другой психолог, функция которого – снятие возможного переноса, излишней привязки к фигуре консультанта и обеспечение отстраненной обратной связи в психологической диагностике ситуации, состояния и личности пациента.

Общее назначение личностной и отношенческой диагностики – объективировать состояния, личностные особенности и стратегии межличностных отношений в конкретной травматической ситуации. Речь идет именно об экспресс-диагностике. Применяемые здесь диагностические методики могут включать в себя широко известный в быстрой диагностике инструментарий: проективные тесты (метод цветных выборов М. Люшера, психографический тест А.В. Либина), а также отдельные шкалы из личностного опросника Р. Кетелла, в частности шкалу, отражающую фактор «В», СМИЛ в редакции Ф.Б. Березина или Л.Н. Собчик, либо сокращенный вариант последнего, известный как методика «Мини-мульти», т.е. набор методик, обеспечивающих экспресс-диагностику личности и ее состояний.

Но особую значимость, на наш взгляд, имеет разработанная нами методика оценки и прогнозирования психологического развития ситуаций межличностного взаимодействия, которая предназначена для идентификации фигуры «жертвы» и наличия самого акта «жертвоприношения», пусть понимаемого и символически, но отнюдь не менее травматичного по своей сути [2, с. 344-356].

Сущность данной диагностической методики заключается в том, что она позволяет распознать онтологические основания межличностного конфликта путем переопределения его сторон как соотносящихся с библейскими персонажами Авеля и Каина. Собственно, оказавшись в этом, условно говоря, психологическом капкане и, отрефлексировав, кто на самом деле является выгодополучателем, а кто жертвой в сложившихся отношениях, пациент обретает нравственную опору в виде стенизирующей, возвышающей человека мотивации к преодолению позиции жертвы на пути восстановления собственного личностного достоинства. Предложенный инструментарий позволяет сориентироваться в эмоциональном состоянии, интеллектуальном статусе и личностных особенностях страждущего, что дает возможность выстроить адекватную данной ситуации и личности стратегию консультативной работы.

Типичные исходы второго этапа работы следующие: опираясь на результаты диагностики, консультирующий психолог завершает ориентировочно-диагностический этап работы клинически ориентированной беседой, в которой обсуждаются полученные данные, уточняется отношение страждущего к ним и определяется собственно предмет психологической работы или иные направления и задачи в сложившейся ситуации. Наиболее вероятные варианты развертывания событий после этапа экспресс-диагностики суть следующие.

1. Жалобы и причина обращения за психологической помощью адекватны данной травматической ситуации, психоэмоциональное состояние страждущего (общий стресс, тревожность, сниженное настроение, фрустрация, агедония и т.п.) и личностная акцентуация не

превышают пределов, требующих срочного либо неопременного врачебного вмешательства, основное травматическое переживание относится к психогении, индуцированной травмой межличностных отношений.

2. Жалобы и причина обращения за психологической помощью не когерентны. Например, предъявляемая жалоба звучит как обвинение супруга в измене, но степень личностной акцентуации, уровень шкалы по фактору «В» в тесте Кетелла, личностный профиль в целом по тесту «Мини-мульти» и неспособность выполнить психографический тест, равно как и клинически ориентированная беседа, заставляют предположить, что речь идет о бреде отношений.

3. Жалобы и причина обращения за психологической помощью адекватны ситуации. Однако в процессе диагностики и клинически ориентированной беседы выясняется, что речь идет не столько о самом человеке, который обратился за помощью, сколько о том, по поводу которого обратились за помощью, поскольку именно тот, другой, создал конкретную травматическую ситуацию, и очевидно, что ни психоэмоциональное состояние обратившегося за помощью, ни его интеллектуальный уровень, ни степень личностной акцентуации не искажают представленную картину. Так что речь должна идти в первую очередь о работе именно с тем, другим человеком, по поводу которого и обратились к психологу.

Как явствует из вышеизложенного, непосредственная ситуация приложения усилий именно психолога-консультанта – это первый из возможных исходов. Во втором случае возникает необходимость направления страждущего к психиатру (или в необходимых случаях – к врачам иных специальностей), что также требует необходимой в таких случаях квалификации и компетенций, иначе можно травмировать человека или, еще хуже, способствовать его инвалидизации. В третьем из типичных исходов необходимы усилия для выстраивания ситуации психологической помощи, поскольку она лишь обозначена, но не проявлена. Так что в качестве готовых для консультативной работы уже с первой встречи могут рассматриваться лишь ситуации первого типа. Именно для такого, по прямому назначению, типа консультативных ситуаций и разработан нами протокол консультативной работы в модальности ЭП. Основные его этапы описываются следующим алгоритмом.

1. Перевести жалобы в конкретный вопрос-пожелание, требующий ответа «да-нет».
2. Уточнить, кто реально может помочь добиться желаемого и в чем состоят основные ценностные смыслы страждущего (ради кого).
3. Найти изначальную (ключевую) ошибку в прежнем поведении, приведшую в психологический капкан «Авель-Каин».

4. Уточнить, чье неверное благословение на ошибочное действие (или отсутствие чьего истинного благословения) привело к трагическому итогу во взаимоотношениях.
5. Обсудить, из-за каких конкретных неверных действий сложилась данная (конкретная) неблагоприятная ситуация.
6. Проанализировать все возможные альтернативы развития ситуации, используя шкалу абсолютных этических ценностей (от абсолютного Добра до абсолютного Зла).
7. Идентифицировать референтную для страждущего Фигуру – носителя абсолютной ценности Добра – применительно к данной ситуации.
8. Испросить благословения на ответственный поступок (по перемене личностной позиции, стратегии поведения) у образа референтной фигуры.
9. Согласовать лечебные (психотерапевтические) мероприятия стратегии поведения у образа референтной Фигуры.
10. Получить благословение на принимаемое решение и образ действий.
11. Обсудить наиболее приемлемую стратегию и тактику психотерапии, в том числе и целесообразность сочетанной психофармакотерапии с привлечением врача (невролога, психиатра или клинициста другой специальности).

### **Конечные цели воздействия, позитивные личностные изменения как результат применения данного метода.**

Практикующий психолог, в отличие от психиатра, работает, прежде всего, с отношениями и эмоциональными состояниями, индуцированными травматичными отношениями. Здесь главная определяющая причина травмы – способы действий пациента, которые вытекают из ценностно-смысловой структуры его личностного «Я» и той этической системы, которую «Я» в себе несет. Понять, ради кого ты готов жертвовать собой в отношениях, понять, не приносят ли тебя в жертву, кто благословил тебя на те или иные отношения, исправить неверное благословение, допустить, что не ты только, самочинно, управляешь миром этих отношений, но есть еще нечто, некое другое измерение мира, и что ты не всегда равен себе, но, вообще-то, как человек способен к трансцендированию, выходу за видимые рамки данной ситуации в иные смысловые пространства, – вот исходные координаты предлагаемого метода. Здесь процессы ревитализации (возвращения к жизни), ревальвации (заботы об истинных ценностных смыслах) и реконструкции (восстановления достоинства личностного «Я») – главные моменты. В предлагаемой позиции упор в лечении отношений, от которых страдает человек, пришедший на прием, делается на краеугольных

смыслопорождающих импульсах русской культуры, в основе своей православной: запрете на жертвоприношении, потребности в благословении, отсутствии кастрационного комплекса, эдипова комплекса и др.

ЭП не является специфическим методом или подходом для консультирования русских, так же как позитивная психотерапия не предназначена только для иранцев или бахаистов, психоанализ не является специфическим средством работы только с евреями или католиками, холотропное дыхание – с индуистами, а юнгианская терапия – с немцами. Он безусловно универсален, поскольку в его основе лежит признание запрета на жертвоприношение в отношениях как сакральное основание истинной человечности. Более того, и сам термин «этический персонализм» принадлежит германскому философу М. Шелеру.

ЭП предоставляет возможность более глубокого, человеческого, сущностного понимания происходящего в межличностных отношениях, чем методы и техники, восходящие к иудаизированным христианским или иным религиозным системам. Как свидетельствует опыт нашей работы, данный метод позволяет в значительной степени упорядочить, структурировать и сделать весьма эффективной работу консультирующего психолога, в особенности с нашими соотечественниками, которые не привыкли к долгим и регулярным посещениям психологов, у которых психотерапия не призвана подменять собою жизнь, сомнительную заслугу чего легко можно приписать психоанализу, а также, если учесть тот факт, что достаточно сомнительное в своих исходных установках антипсихиатрическое движение не успело подорвать доверие и к нашим психологам в столь же значительной степени, в какой оно подорвало доверие к предельно коммерциализованным западным или вестернизированным отечественным специалистам. Таким образом, именно культуросообразное психологическое консультирование и психотерапия представляются нам магистральным путем развития отечественных традиций психологической помощи.

## **Выводы**

Процессы индигенизации современной психологии – один из наиболее актуальных трендов в современных науках о человеке. Возникшая преимущественно в незападных странах, однако благодаря в первую очередь усилиям западных исследователей, данная традиция все полнее и явственнее артикулирует положение о том, что западная психология является лишь одной из индигенных психологий, имплицитно приписавших себе статус Психологии с большой буквы. Между тем, современные кросс-культурные разработки подчеркивают, что наивные попытки смешивать науку и политику, идеологические и ментальные

проблемы создают ложную перспективу улицы с односторонним движением, ограничивая возможности психологических исследований. Безосновательные попытки смешивать национальное развитие и развитие экономическое, неотрефлексированные идеологические и теологические постулаты с ориентацией исключительно на контингент западных клиентов (WEIRD) - протестантов по вероисповеданию, индивидуалистов по жизненным ориентациям и все больше и больше склоняющихся к номадическому образу жизни, — привели к тому, что все больше и больше ведущих исследователей в самых различных странах мира (Канада, США, Индонезия, Япония, Китай, Тайвань, Россия, ЮАР, Великобритания, Украина, Бразилия, Аргентина и др.) стремятся к построению системы научного психологического знания и системы оказания психологической помощи, исходящих из индигенных реалий — ценностей, верований и убеждений, которые, в свою очередь, опираются на философскую и религиозную традицию определенного этноса. Предполагается, что каждая цивилизационно-культурная общность в идеале должна развивать свой собственный индигенный подход. В этом смысле этический персонализм и является одной из первых попыток в отечественной психологии предложить эксплицитно сформулированную концепцию и метод психологического консультирования, учитывающий тысячелетнюю культурную традицию, лежащую в основе ментальности, восходящей к ценностным принципам и постулатам Восточного христианства.

### Литература

1. Бери Дж. В. и др. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007 . – 560 с.
2. Бондаренко А.Ф. Язык. Культура. Психотерапия: сб. научных статей. – Киев: Кафедра, 2012. – 416 с.
3. Бондаренко А.Ф. Этический персонализм. Методическое пособие по психологическому консультированию, сообразному русской культуре. – Киев: Альфа Реклама, 2014. – 100 с.
4. Бондаренко А.Ф., Федько С.Л. Тенденции индигенизации и их осмысление в современной консультативной психологии // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2014. – № 5(28) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mprj.ru>
5. Бондаренко А.Ф. Этическое основание психотерапевтических практик, восходящих к антропологии восточного христианства / А.Ф. Бондаренко // Психологическое консультирование и психотерапия. Вып 6, том 2. Харьковский национальный университет им. В.Н.Каразина, 2016, - С.6 -17.

6. Венгер А.Б. Психотерапия: западная теория и российская практика // Московский психотерапевтический журнал. – 2004.– № 1. – С. 5-17.
7. Г.Гачев. Национальные образы мира» [Электронный ресурс]. – URL: [www.polit.ru/articlw/2007/05/24/kulturosob](http://www.polit.ru/articlw/2007/05/24/kulturosob)
8. Жирар Р. Насилие и священное. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 448 с.
9. Латыпов И.В. Культурно-историческая психотерапия: В поиске своей ниши // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2012. – № 3. – С. 20-28.
10. "Слово о Законе и Благодати" митрополита Киевского Иллариона [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/39072.php>
11. Сухарев А.В. Культурно-психологические основания этнофункциональной психотерапии // Гуманитарные исследования в психотерапии: труды по психотерапии и психологическому консультированию / под общ. ред. Ф.Е. Василюка. – М.: ПИ РАО; МГППУ, 2007. – Вып. 1. – С. 204-228.
12. Ухтомский А.А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. – СПб.: Петерб. писатель, 1996. – 528 с.
13. Фанталова Е.Б. «Русский катарсис» как феномен культуры и психотерапевтический прием // Журнал практикующего психолога. – 2003. – Вып. 9. – С. 11-16.
14. Хоружий С.С. Современная антропологическая ситуация в свете синергичной антропологии. Выступление на научном семинаре философского факультета Новгородского государственного университета в апреле 2006 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/sovremennaya-antropologicheskaya-situaciya-v-svete-sinergijnoj-antropologii-read-204277-2.html>
15. Четверикова О.Н. Измена в Ватикане, или заговор пап против христианства. – М.: Эксмо, 2011. – 240 с.
16. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Римис, 2008. – 576 с.
17. Apter M.J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. – L., N. Y.: Academic Press, 1982. – 378 p.
18. Marsella A.J. All Psychologies are Indigenous [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.apa.org/international/pi/2013/12/reflections.aspx>